

СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЦИКЛА «ПОСЛАНИЯ» САШИ ЧЕРНОГО

В статье исследуется субъектно-объектный строй цикла «Послания» Саши Черного, включающего 6 стихотворений с одноименной номинацией; рассматриваются формы выражения лирического субъекта с коммуникативной точки зрения; показывается его эволюция; определяется роль сатирических персонажей и степень их удаленности от авторского поля.

Ключевые слова: Саша Черный, жанр, цикл, послание, субъектно-объектный строй, лирический субъект.

Говоря о лирическом герое цикла, определимся с терминологией. Новейшее издание отраслевого словаря [1] предлагает использовать в качестве инструментария термин «лирический субъект»: «Лирический субъект – носитель речи, а также основной (объемлющей) точки зрения на мир и оценки в лирическом художественном произведении» [2, с. 112-113]. Наиболее ценным в современной теории субъектной организации лирики является мысль о возможных переходах между авторским и геройным планами. Развивая эту мысль, С.Н. Бройтман пишет, что «в ролевых произведениях всегда присутствуют *два внутренне связанных субъекта*, хотя граница между ними может колебаться от предельного различия до полной неразличимости» [2, с. 113].

При анализе субъектной организации лирики Саши Черного мы будем использовать термин «лирический субъект» и попытаемся показать степень близости лирического «я» к авторскому плану. В этом субъекте выделим ролевого героя – обывателя, для изображения которого поэт прибегает к сатирическим приемам (иронии, гротеску и др.). Свообразие лирики Саши Черного заключается в том, что его лирический субъект, наделенный автобиографическими чертами, то сближается с авторским планом, то отдаляется от него.

Мы будем использовать терминологию Ю.Д. Левина [3, с. 464-480], по теории которого, 1 лицо в эготивных (написанных от первого лица) текстах может быть представлено как:

- собственное (I соб.), когда «я» может отождествляться с реальным автором;
- чужое (I чуж.), когда «я» не может быть отождествлено с реальным автором;
- обобщенное (I об.), когда «мы» относится к человеку вообще, или к человечеству, или к той или иной «большой группе».

В данной работе термины «ролевой герой», «я чужое» и «маска» будут пониматься как синонимы.

Лирический субъект «Посланий» Саши Черного в процессе развития лирического сюжета несколько раз кардинально меняется: своеобразная игра с маской. Так, в «Послании первом» перед нами лирический субъект, наделенный автобиографическими чертами, к которому автор относится с иронией:

Семь дней валяюсь на траве
Средь белых незабудок,
Уснули мысли в голове,
И чуть ворчит желудок.

<...>

Лежу, как лошадь на траве, –
Забыл о мире бренном,
Но кто-то ноет в голове:
Будь злым и современным... [4, 132]

Лирический субъект, во-первых, противопоставляется миру «развратного Петербурга»: «*Семь дней газет я не читал... / Скажите, дорогие, / Кто в Думе выкинул скандал, / Спасая честь России*» [4, 132]; во-вторых, стоит особняком по отношению к обитателям Гунгербурга и наблюдает за ними со стороны: «*Песчаный пляж. Волна скулит, / А чайки ловят рыбу. / Вдали чиновный инвалид / Ведет супругу-глыбу*» [4, 132]. Лирический субъект этого стихотворения – «я» собственное (I соб.).

В «Послании втором» при формальном сохранении субъекта высказывания появляется характерная для поэтики Саши Черного маска интеллигента: «*Бросаю тарелку, томлюсь и завижусь, / Одеваю шляпу и галстук сиреневый / И иду в курзал на свидание с Лидою, / Худосочной курсисткой с кожей шагреновой*» [4, 133]. Автор,

скрывающийся за маской, – характерная черта поэтики Саши Черного, о которой неоднократно писали исследователи его творчества [5]; [6]; [7; 8]. На наш взгляд, его маска – особенная. Если до XX века, автор противопоставлял себя созданной маске, таким образом отделяя себя от объекта сатиры, то Саше Черному, выступающему от имени среднестатистического интеллигента, в какой-то мере присущи качества этой маски. А значит, его ирония – это самоирония, а «саморазоблачение – попытка освобождения» от «недуга времени» [9, с. 14]: «Хорошо, обеда-
ясь ледяной простоквашею, / Смотреть с веран-
ды глазами порочными, / Как дворник Пэтер с
кухаркой Агашею / Угощают друг друга поцелу-
ями сочными» [4, с. 133].

Итак, характер лирического субъекта меняется, так как в начале цикла он противопоставлялся объекту сатиры (I соб.), а в «Послании втором» существует уже внутри мира уродливых персонажей и, наряду с обитателями Гунгербурга, сам становится объектом сатиры (I чуж.).

Маску среднестатистического интеллигента, находящегося на отдыхе, в «Послании третьем» вновь сменяет лирический субъект с автобиографическими чертами (I соб.), при этом оппозиция «я – окружающий мир» восстанавливается, а ироничное отношение поэта к этому «я» сохраняется: «Либеральную бороду / В глубо-
чайшем раздумье щиплю...» [4, с. 134]. Функция лирического субъекта – снова наблюдать, находясь в некотором отдалении:

Ветерок набегающий
Шаловлив, как влюбленный прелат.
Адмирал отдыхающий
Поливает из лейки салат.

За зеленой оградой,
Растянувшись на пляже, как краб,
Полицмейстер с отрадой
Из песку лепит формочкой баб.

Средь столбов с перекладиной –
Педагог на скрипучей доске
Кормит мопса говядиной,
С назиданьем при каждом куске.
Бюрократ в отдалении
Красит масляной краской балкон.
Я смотрю в удивлении
И не знаю: где правда, где сон? [4, с. 134]

В «Послании четвертом» авторское «я» сменяется «мы» (I об.), обозначая тем самым, что Саша Черный использует маску обобщенного образа интеллигента:

Подводя итоги летом
Грустным промахам зимы,
Часто тешимся обетом,
Что *другими* будем мы.
Дух изношен, тело тоже,
В паутине меч и щит,
И в душе сильнее и строже
Голос совести рычит.

Сколько дней ушло впустую...
В сердце лезли скорбь и злость,
Как в открытую пивную,
Где любой прохожий гость.
В результате жизнь ублюдка,
Одиноких мыслей яд,
Несварение желудка
И потухший, темный взгляд [4, с. 135].

Это «мы» является подтверждением нашей концепции амбивалентности лирического субъекта, который то сближается с авторским планом, то отдаляется от него. Такая игра с маской нужна поэту, вероятно, для того, чтобы достовернее обрисовать своего героя, точнее передать его пороки, достойные осмеяния: Саша Черный то наблюдает за ним со стороны, то находится в его «шкуре».

Особняком в этой игре с маской стоит «Послание пятое». Это кульминационное стихотворение, в котором автор выступает от своего имени, его лицо открыто. В этом стихотворении лирический субъект тот же, что в «Послании первом» и «Послании третьем» (I соб.), но он максимально приближен к автору. Не скрываясь за маской, поэт восклицает: «*Все тучи, тучи, тучи... / Ругаться или плакать? / О, если б чаще солнце! / О, если б реже слякоть!*» [4, с. 137].

По своему настроению это стихотворение является самым пронзительным, самым открытым. Желчь, язвительность, сарказм поэта неожиданно сменяются лирической грустью. Автор оставляет свою маску и напрямую обращается к читателю. Не случайно адресат в «Послании пятом» формально не выражен. Стихотворение адресовано не конкретному читателю, а человечеству вообще, так как в нем формули-

руется программное положение поэта Саши Черного: «О, если б чаще солнце! / О, если б реже слякоть!», перекликающееся с эпитафией ко всему циклу: «Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце» (Екклесиаст. XI, 7).

И снова, в «Послании шестом», автор, как бы случайно разоткровенничавшийся, возвращается к лирическому субъекту – носителю автобиографического «я»: «Вон желтеет сквозь осины / Груда дряблых женских тел – / Я б смотреть на эти спины / И за деньги не хотел... / В лес пойду за земляничкой... Там ведь дамских нет часов, / Там никто меня мужчиной не облат из кустов» [4, с. 137]. Лирический субъект заключительного стихотворения – «я» собственное (I соб.), однако он отличается от того, который мы видим в «Послании пятом»: лирический субъект удаляется от авторского плана.

Таким образом, лирический субъект цикла «Послания» в процессе развития лирического сюжета эволюционирует: он представлен как «я» собственное с разной степенью приближенности к авторскому плану («Послание первое», «Послание третье», «Послание пятое», «Послание шестое»), «я» чужое («Послание второе»), «я» обобщенное («Послание четвертое»). Эволюция семантики лирического субъекта служит цели, во-первых, показать в разных аспектах сатирический образ среднестатистического интеллигента; во-вторых, выразить авторскую позицию.

Анализируя субъектно-объектный строй «Посланий» Саши Черного, мы обратили внимание на плотную населенность этих стихотворений персонажами. Безусловно, это признак произведения сатирического. Объектом сатиры становится современник Саши Черного: от простого обывателя до думского деятеля. Среди персонажей «Посланий» есть реально существовавшие персоны и вымышленные герои.

Историческими лицами, введенными по этому в круг сатирических персонажей цикла, являются герои «Послания первого»: Лидваль («Не получил ли пост Лидваль»), Шварц («Не утомился ль Шварц-делец?»), правый думский брадобрей («Ведь правый думский брадобрей / Скандал устроит новый»). Согласно комментариям к стихотворению [10, с. 419], Э.-Л. Лидваль – коммерсант, шведский подданный, имя которого получило в 1906 году скандальную огласку в связи с судебным разбирательством его

махинаций, связанных с поставкой зерна в голодающие губернии.

А.Н. Шварц (1848-1915) – министр народного просвещения в 1908-1910 гг. «С назначением нового министра связаны были большие надежды, поскольку высшее образование и особенно низшая школа требовали существенных реформ. Однако уже первые шаги Шварца на этом поприще как бы подтвердили зловещий смысл его фамилии («шварц» по-немецки – черный)» [10, с. 416]. Имя этого персонажа неоднократно встречается в сатирах Саши Черного («Цензурная сатира», 1908; «Еще экспромт», 1908).

Под правым думским брадобреем Саша Черный подразумевает Н.Е. Маркова (1866-1945) – члена 3-й и 4-й Государственных Дум, лидера крайне правых, одного из руководителей «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». Марков 2-й, как его именовали в Думе, являлся одной из самых колоритно-скандальных фигур русского парламента, излюбленной мишенью для насмешек сатириков. Так, во всех шаржах на Маркова подчеркивалось его сходство с Петром I, отсюда, вероятно, его прозвище «брадобрей». А в пародийной хронике Саши Черного «Дикие утки», напечатанной в №13 «Сатирикона» за 1909 год, значилось: «Популярный общественный деятель Марков 2-й, мучимый угрызениями совести, выбросился из четвертого этажа. К счастью для России, несчастный отделался легким испугом. Мостовая пострадала» [10, с. 410].

Все эти персонажи вводятся Сашей Черным в круг действующих лиц «Посланий» с целью не только высмеять пороки современных поэту думских деятелей, но и очертить временные рамки своих произведений именами и реалиями определенного периода истории России. Так, упоминание в «Послании первом» турок («А турки?.. Не в Батуме?») относит нас ко времени, когда в прессу периодически попадали сообщения о взятии турками Батума, присоединенного к России в 1878 году.

Наряду с историческими лицами на страницах цикла сосуществуют вымышленные герои: чиновный инвалид, супруга-глыба из «Послания первого»; дворник Пэтер, кухарка Агаша, худосочная курсистка Лидва; старухи мордатые, злые; юные, в прическах на валиках, в поддельных локонах, с собачьими лицами; курзальные барышни, и жены, и матери; проститут-

ки из «Послания второго»; *влюбленный прелат, адмирал отдыхающий, полицмейстер, педагог, бюрократ, дачники милые* из «Послания третьего»; *купчиха, дачный сторож, гряда дряблых женских тел* из «Послания шестого».

Поставив вопрос о соотношении в художественном мире «Посланий» лирического субъекта и сатирических персонажей, мы установили следующую закономерность. Чем ближе к авторскому полю лирический субъект, тем дальше от него сатирические персонажи. Они могут находиться в отдалении от лирического субъекта (и в тексте это выражается вербально): *«Вдали чиновный инвалид / Ведет супругу-глыбу»* (Послание первое [4, с. 132]); *«Бюрократ в отдалении / Красит масляной краской балкон»* (Послание третье [4, с. 134]) или быть в непосредственной близости от него, составляя его ближайшее окружение: *«И иду в курзал на свидание Лидюю, / Худосочной курсисткой с кожей шагреновой <...>»*; *«Навстречу старухи, морда-*

тые, злобные <...>»; *«А рядом юные, в прическах на валиках <...>»* (Послание второе [4, с. 133]).

Отметим, что в «Послании четвертом», где лирический субъект – обобщенное «мы» и сам становится объектом сатиры, нет сатирических персонажей. Нет персонажей и в «Послании пятом», но уже потому, что в этом стихотворении лирические мотивы преобладают над сатирическими.

Обобщая сказанное по субъектно-объектному строю «Посланий» Саши Черного, отметим, что на протяжении развития лирического сюжета цикла лирический субъект находится в постоянном движении, перемещаясь от авторского поля к героическому. В зависимости от положения лирического субъекта по отношению к авторскому полю определяется степень удаленности сатирических персонажей от самого лирического субъекта. Их плотная населенность в «Посланиях» является свидетельством сатирического характера цикла.

Список использованной литературы:

1. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
2. Бройтман, С.Н. Лирический субъект / С.Н. Бройтман // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 112-114.
3. Левин, Ю.Д. Лирика с коммуникативной точки зрения / Ю.Д. Левин // Левин Ю.Д. Избранные труды. Поэтика. Семантика. – М., 1998. – С. 465-480.
4. Черный, С. Собрание сочинений: В 5 т.; сост., подгот. текста и коммент. А.С.Иванова / С. Черный: Т.1.: Сатиры и лирика. Стихотворения. 1905-1916. – М.: Эллис Лак, 1996. – 464 с.
5. Чуковский, К.И. Саша Черный / К.И. Чуковский // Саша Черный. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1960. – С. 5-22.
6. Евстигнеева, Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы / Л.А. Евстигнеева. – М.: Наука, 1968. – 455 с.
7. Урбан, А. Книжки печального смеха (Саша Черный: сатиры и лирика) / А. Урбан // Саша Черный. Избранные сатиры и лирика. – Л.: Дет. лит., Ленингр. отд-ние, 1991. – С. 5-20.
8. Иванов, А.С. «Жил на свете рыцарь бедный...» / А.С. Иванов // Саша Черный. Избранная проза. – М.: Книга, 1991. – С. 394-418.
9. Иванов, А.С. Театр масок Саши Черного / А.С. Иванов // Саша Черный. Собрание сочинений: В 5 тт. Т.3: Сумбур-трава. 1904-1932. Сатира в прозе. Бумеранг. Солдатские сказки. Статьи и памфлеты. О литературе. – М.: Эллис Лак, 1996. – С. 5-40.
10. Иванов, А.С. Комментарий / А.С. Иванов // Саша Черный. Собрание сочинений: В 5 тт. Т.1: Сатиры и лирика. Стихотворения. 1905-1916. – М.: Эллис Лак, 1996. – С. 389-453.

Afanasieva E.A.

Subjective-objective organization of a series «Message» by Sasha Cherny

In this article the author researches subjective-objective structure of a series "Message" by Sasha Cherny including 6 verses with the same nomination, also she regards the expressions form of lyrical subject from the communicative point of view, shows its evolution and determines the role of satirical characters and degrees of their remoteness from the author's field.

Key words: Sasha Cherny, genre, series, message, subjective-objective structure, lyrical subject.

Сведения об авторе: Афанасьева Елена Анатольевна, преподаватель кафедры периодической печати и теории журналистики Оренбургского государственного университета. 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел.: (3532) 372460, 89058841066; e-mail: afanas0811@mail.ru